

«Дух, созидавший в Древней Руси обыденные церкви, еще не угас...».
Н.Ф. Федоров – собиратель истории обыденного храмостроительства
(По материалам архива С.А. Белокурова)²

Статья вводит в научный оборот новые архивные материалы из фонда историка С.А. Белокурова, касающиеся инициативы Н.Ф. Федорова, связанной с собиранием сведений об обыденных храмах и святом Сергии Радонежском. Старинному обычаю построения храмов всем миром за один день Федоров стремится придать новый импульс, выдвигая проект повсеместного построения общим трудом храмов-школ, посвященных Пресвятой Троице. Храмы-школы в педагогике общего дела символизируют примирение веры и знания, оцерковление жизни и действия.

The article introduces new archival materials which belong to the Fund of S. A. Belokurov, the historian. The materials present N. F. Fedorov's initiative about collecting the information concerning ordinary churches and the figure of St. Sergius of Radonezh. Fedorov seeks to give a new impetus to the ancient custom of one-day-built churches all over the world by putting forward a project of constructing church schools dedicated to the Holy Trinity which would be created by common labor. Church schools in pedagogy of common cause symbolize the reconciliation of faith and knowledge, Christening of life and action.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров, С.А. Белокуров, обыденные храмы, Древняя Русь, св. Сергий Радонежский, история, педагогика, храм-школа, примирение веры и знания

Keywords: N. F. Fedorov, S. A. Belokurov, ordinary churches, Ancient Russia, St. Sergius of Radonezh, history, pedagogy, church school, reconciliation of faith and knowledge

Иллюстрации

Фото 1.

Церковь Спаса Обыденного в г. Вологде.
Российская государственная библиотека

Фото 2.

Н.Ф. Федоров. Заметка «Обыденные Церкви и преподобный Сергий», 1894.
Российская государственная библиотека

Фото 3.

Обыденная Церковь на Цивозере.
Фото Б.К. Кнорре

¹ Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, зав. отделом Библиотеки № 180 им. Н.Ф. Федорова.

² Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00953 «Н.Ф. Федоров: энциклопедия (с онлайн версией)».

В биографии Н.Ф. Федорова и его творческом наследии, духовно неотделимом от биографии, особое место занимает история собирания сведений об обыденных храмах и преп. Сергии Радонежском и попытка на новом витке возродить в России конца XIX в. традицию однодневного храмостроительства. К этой странице жизни и деятельности философа всеобщего дела уже обращались исследователи его творчества, чувствуя важность запечатленного на ней смыслового сюжета, его связь с главными темами федоровской философии – преодоления небратства, восстановления всемирного родства, объединения человечества в братски-любтивное многоединство по образу и подобию Троицы. Сама история описывалась в ее главных вехах в кругу федоровских «дорогих тем и дел» [3; 12], а статьи и заметки философа об обыденных храмах и преп. Сергии были опубликованы и прокомментированы в III т. «Сочинений» философа [14, с. 5–75, 576–580, 588–616].

Однако в 2000-е гг. А.В. Знатнов обнаружил в РГАДА в личном фонде историка, археографа Сергея Алексеевича *Белокурова* (1862–1918) ряд материалов Н.Ф. Федорова, относящихся к последнему десятилетию его жизни [4]. Среди них обращают на себя внимание документы, которые относятся к истории собирания сведений об обыденных храмах и не были известны составителям собрания сочинений философа. Проведенное нами дополнительное исследование архива С.А. Белокурова, анализ как материалов, обнаруженных А.В. Знатновым, так и тех, что были выявлены в процессе работы, дают основание вернуться к этой истории, обогащая ее новыми данными, расширяя и углубляя контекст, осмысляя ее роль в развитии философии Н.Ф. Федорова на ее позднем этапе.

Сама история началась в 1892 г., в год 500-летнего юбилея преп. Сергия, святого, с именем которого Федоров соединял задачу умиротворения и которому Россия была обязана установлением сугубого почитания Пресвятой Троицы «как образца или заповеди единодушия и согласия» [14, с. 6]. Причем началась она не с теоретических выкладок, а с конкретного дела – с предложения построить при Храме Святителя Николая что на Старом Ваганьково обыденную церковь, посвященную Троице, сделав ее подобием той самой церковки, которую построил сам преподобный на Маковце, куда пришел в юности подвизаться с братом Стефаном и где вскоре возник монастырь, знаменитая Троице-Сергиева Лавра. Построить церковь Федоров предлагал буквально за сутки, всем миром и безвозмездно – так, как и строились в старину обыденные храмы, воздвигавшиеся в Древней Руси в години народных бедствий, войн, эпидемий, голода, засухи или в «благодарение за всякое благодеяние Божие». Единодушный, совокупный порыв в невиданно краткий срок (всего лишь сутки!) буквально сотворял чудо. Отступали враги, затихал мор, на иссохшие поля проливались живительные капли дождя.

1891 год был для России годом страшного голода, 1892 год стал годом пандемии азиатской холеры. Болезнь охватила Персию, Германию, Францию, проникла в Россию и быстро распространялась в стране. В письме своему ученику Н.П. Петерсону от 3 сентября 1892 г. Федоров писал о том, что ученые мира не могут предложить никакого иного средства борьбы с холерой, кроме «чудовищной изоляции», которая отделяет «заболевающих и умирающих отцов и матерей от сынов и дочерей в то время, когда первые наиболее нуждаются в помощи последних» [15, с. 251], и дезинфекции, предельным выражением которой является сожигание тел умерших. Воспринимая эпидемию религиозно, как урок Божий миру, отступившему от родства, истощающему природу, обожествившему торгово-промышленный обмен и обман, Федоров, глядя на то, как реагируют на этот зов его современники, с горечью констатирует: «Холера, как и голод, оказываются бессильными вывести человеческий род на истинный путь-дорогу» [15, с. 251]. И в то же время философ-праведник, как позднее назовет его публицист А.С. Панкратов [8], не может смириться с глухотой к Божьему призыву и надеется, что 500-летие преп. Сергия, «чтителя Св. Троицы», ставившего Ее как «зерцало» для монахов и мирян,

побудит к нравственному опаматованию, к повороту к подлинным ценностям и идеалам, к соединению в братский союз и движению от «эксплуатирующего, но не восстанавливающего» мироотношения к глобальному исследованию и разумно-творческой регуляции природных процессов, открывающих путь к исполнению заповеди об обладании землей, данной Творцом человеку. Строительство обыденного храма в этом контексте предстает как маркер возможной умопремены, иного – созидательного – выбора, как шаг к «объединению для регуляции» [15, с. 251], к многоединству, образцом которого является Троица.

Идеей построения обыденного храма в Москве Федоров увлек ряд лиц из своего окружения: Ю.П. Бартенева, сына историка, архивиста П.И. Бартенева, а также двух сотрудников Московского главного архива Министерства иностранных дел – историка С.А. Белокурова и Сергея Сергеевича Слуцкого (1861–1903). С.С. Слуцкий, по характеристике П.И. Бартенева, человек, «восторженно отзывчивый на все высокое и самоотверженно готовый идти на подвиг живой веры и всякого добра» [1, с. 304], отозвался и на этот проект, и 13 сентября 1892 г. в газете «Московские ведомости» появилась статья «К 500-летнему юбилею преподобного Сергия. Храм Св. Троицы при Румянцевском музее» за подписью «Сергей***», которая не только излагала федоровский проект, но и раскрывала его нравственное значение, проводя дорогую Федорову мысль о том, что почитание Троицы должно осуществляться не только молитвой, но и воплощением в межчеловеческой жизни принципа Троицы – неслиянно-нераздельного, питаемого любовью единства личностей, что оно должно быть добровольным и при этом деятельным, всеотдайным соработничеством Богу. По всей вероятности, С.С. Слуцкий писал статью на основе принадлежащего Федорову чернового наброска (или письма), ибо в ней присутствует целый ряд федоровских выражений. А главное – самый дух статьи, в котором звучала такая непривычная, такая «юродивая» для секулярного, прагматического, торгово-промышленного мира логика, предлагался глубинно религиозный ракурс видения на память и историю, появлялся образ храма-памятника, храма-музея, воплощающего единство светского и религиозного поминовения, звучала ключевая мысль Федорова о связи темы памяти с темой преодоления розни. Опираясь на Федорова, Слуцкий задавал аксиологический вектор «исторической памяти Москвы», подчеркивая, что «главным предметом этой памяти» должна быть память о собирании Русской земли, утверждение Москвы как собирательницы земель и народов, а значит «такие деятели объединения, как святители Петр и Алексей и преподобный Сергий должны занимать первое место в исторической памяти» древней столицы [14, 557]. И если Успенский собор и Чудов монастырь, где хранятся мощи свт. Петра и свт. Алексия, уже являются своеобразными «музеями» этих святых, то Румянцевский музей, утверждал Слуцкий, построив в память преп. Сергия обыденный храм Пресвятой Троицы, станет хранителем памяти о преп. Сергии, «святom и столь дивном и полном выразителе русского духа», который поставил «первый в Московском государстве храм во имя Св. Троицы» ради преодоления розни. «Во имя внутреннего объединения, во имя освобождения из-под ига мусульманской орды, он поднимал знамя Св. Троицы» [14, 557].

Излагатель федоровского проекта, пытается донести его главный смысл: частный случай построения небольшого храма Троицы в память российского святого при московском музее предстает своего рода манифестацией нового мировоззренческого и духовного выбора, опытом единства и созидания, первой клеткой будущего соединения рода людского по образу и подобию Троицы. О том, что это именно так, свидетельствует фрагмент статьи Слуцкого, при публикации выпущенный редакцией «Московских ведомостей», стремившейся несколько приглушить те акценты в статье, которые прямо выводили к федоровской идее активного, творческого христианства. Этот фрагмент был позднее воспроизведен в статье Федорова «О значении обыденных церквей вообще и в наше время (время созыва Конференции мира) в особенности», писавшейся и дополнявшейся с 1895 по 1898 г. и ставшей итогом его занятий историей и аксиологией

обыденного храмостроительства: «В наше время, когда напряженно идет разработка социальных вопросов и горячая борьба за них, когда ум человеческий в томлении мучается, ища и не находя в своих созданиях образца и руководства для общества, да воздвигаются вновь храмы во имя Св. Троицы, всевышнего, всесвятейшего, животворящего, единого, истинного первообраза для жизни общества» [14, с. 31]. Как видим, у Федорова проект построения Троицкого храма в память преп. Сергия изначально расширялся в проект повсеместного построения таких храмов. И что еще очень важно, это строительство как бы связывало концы и начала русской истории, настоящее пореформенной России с ее прошедшим, создавая непрерывность истории.

Об этой непрерывности истории говорилось в заметке «Предстоящее чествование памяти преподобного Сергия», также представлявшей проект построения обыденного храма Троицы, которая в то же самое время вышла в № 8 журнала «Русское обозрение» в разделе «Вопросы церковной жизни» за подписью «Ъ». Причем говорилось в федоровской излюбленной форме вопросов, что свидетельствует о том, что и к этой заметке философ общего дела «руку приложил»: «Пережив такое тяжкое бедствие, как неурожай прошлого года, переживая и теперь еще беду холерной эпидемии, мы могли бы не только собраться для общей молитвы, что делаем и теперь, но, по примеру наших предков могли бы создать храм обыденный. <...> И разве это святое дело <...> не было бы тем святым памятником, который связывал бы нас с древнею до-Петровскою Русью (обыденных храмов не было у нас более двух веков), и в то же время поучителен для наших потомков?» [16, с. 746–747].

Но вернемся к статье Слуцкого. Стремясь вдохновить и одушевить проектом строительства храма, в котором могли бы участвовать люди разных профессий, внося «дружно, сообща и любовно свою лепту» – «священнослужитель – молитвой, и ученый зодчий – археологическим трудом и строением, и живописец – кистью, и владелец леса – материалом, и рабочий – трудом», Слуцкий в поэтических красках описывал воображаемый акт постройки: «Мне представляется эта оживленная, набожная работа среди тишины ночи, под звездным небом, при чередующихся молитвенных службах (при закладке храма, при воздвижении креста, при поднятии колокола, по уставу); в промежутках между службами, при продолжающейся работе, пение молебнов, ибо, несомненно, многие из московского духовенства пожелали бы принять участие и в этом церковном празднике, и в этом выражении единения науки с верой» (14, с. 558, 559).

После опубликования статьи Слуцкого, в которой сообщалась и примерная стоимость храма (1000 рублей), и его вместимость (30 человек), в редакцию «Московских ведомостей» и в Румянцевский Музей начали поступать пожертвования. Однако уже 23 сентября газета напечатала редакционную заметку, в которой сообщалось, что до официального утверждения проекта они принимаемы быть не могут.

В фонде Белокурова хранится письмо главного редактора «Московских ведомостей», историка и публициста В.А. Грингмута, проливающее свет не только на обстоятельства появления в газете статьи Слуцкого, но и на официальную реакцию администрации Московского публичного и Румянцевского музеев:

РЕДАКЦИЯ
МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ
Москва
Сентября 28 дня 1892 г.
№ 289

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Не знаю, заметили ли Вы в № 264 Моск<овских> Вед<омостей> Маленький entrefilet³ о Троицкой церкви при Рум<янцевском> Музее? Вот его происхождение: ко мне приехал секретарь Музея Бушера⁴ с

³ Заметка (франц.). Имеется в виду редакционная заметка от 23 сентября 1892 г.

⁴ Адольф Петрович *Бушера* (1832–1911) – секретарь и казначей Московского публичного и Румянцевского музеев.

громким протестом против нашей «затеи». Ему де прислано уже «по нашей милости» 1000 рубл<ей> на возведение совершенно ему неизвестного храма при другом тоже неизвестном ему храме⁵, и он эти деньги вернул назад, и так и впредь будет делать, о чем просил заявить в газетах. Таким образом Вашей действительно чудной мысли грозит крушение и по Вашей собственной же вине. Я думал *que vous aviez déjà dondé le terrain*⁶ у начальства Музея и что Вашими устами говорит, в сущности, Вас. Андр. Дашков⁷. А между тем оказывается, что ничего подобного нет и что весь этот в высшей степени симпатичный проект есть только плод Вашей фантазии, которая, кстати, создала несуществующий при Музее храм Св. Сергия, тогда как при Музее есть только придел Св. Сергия в храме Св. Николая!! Таким образом мы, напечатав Ваше воззвание, очутились в весьма неловком положении: с одной стороны, нам предлагают пожертвования, которые мы без формального разрешения высшей духовной власти принять не можем, а с другой стороны, нас упрекают и над нами глумятся за наше *легкомысленное* отношение к столь важному делу, как постройка храма, хотя бы и обыденного. Нет никакого сомнения, что, если б это дело было ведено, как следует, т.е. *сперва* было бы испрашено разрешение на постройку храма, а *потом* сделано было бы воззвание, то Ваш проект мог бы осуществиться; теперь же вследствие Вашей пылкой, юношеской неосмотрительности изо всей этой прекрасной мысли, по всей вероятности, ничего не выйдет. Напишите мне, пожалуйста, *историю* Вашей мысли; меня очень интересует вопрос, каким образом Вы могли подумать, что, сидя в Фале⁸, можно несколькими газетными строчками выстроить храм в Москве?

Прося Вас передать выражение моего глубочайшего уважения Князю и Княгине Волконским, остаюсь искренно Вас любящий

В. Грингмут [9, л. 138–139].

Данное письмо красноречиво свидетельствует о том, что идея построения обыденного храма при храме свт. Николая, являвшемся домовою церковью Музеев, натолкнулась на сильное противодействие и, как это ни горько, со стороны администрации того самого учреждения, которому Федоров почти четверть века отдавал свой ум, знания, опыт и который называл «органом памяти Москвы». Повторяя это выражение Федорова в своей статье, Слуцкий подчеркивал, что построением Троицкого храма «ученики и друзья Музея» дали бы ему возможность принять участие «в заветном церковном и историческом празднике Московской Руси», а главное, новый смысл получили бы те отделы музея, которые хранят христианские древности, старопечатные книги, иконы, получая значение «*ризницы* при храмах Музея», которые со своей стороны «теснее», «значительнее» слились бы «с жизнью Музея» [14, с. 559]. Но этот новый, активно-христианский образ Музея, соединяющий благодаря тесному единству с Храмом, культурные формы памяти и религиозную традицию поминовения, оказался непонят и невместим в привычную парадигму развития, где «мухи отдельно – котлеты отдельно», где текут, не пересекаясь друг с другом литургическая жизнь Церкви и жизнь культуры.

Позднее в статье «О значении обыденных церквей...», вспоминая о проекте строительства обыденного храма при Музее, Федоров писал, что «противники постройки называли такой храм костром, намекая на опасность от пожара» [14, с. 31–32], и тут же приводил довод, которым пытался парировать возражение: «Но если бы храм был построен, то, конечно, из дерева, пропитанного огнеупорным составом; и такая постройка навела бы на мысль о необходимости пропитать огнеупорным составом и вообще все деревянное в музее; и тогда пожар в музее 1896 г. стал бы невозможен, был бы предупрежден...» [14, с. 32]. Однако и эти доводы не сработали, инициатива философа столкнулась с бюрократическими препонами и обыденный храм при Румянцевском музее так и не был построен.

Однако Федоров отступить не собирался. Он начал целое движение за собирание сведений об обыденных храмах, и именно здесь его помощником и, если так можно

⁵ В статье С.С. Слуцкого храм свт. Николая что на Старом Ваганькове, имевший придел преп. Сергия Радонежского, был назван Сергиевским храмом.

⁶ Прощупали почву (франц.).

⁷ Василий Андреевич Дашков (1819–1896) – этнограф, директор Московского публичного и Румянцевского музеев.

⁸ Фал (Фалль) – имение князей Волконских, расположенное в Эстляндской губернии (ныне территория Эстонии), где С.С. Слуцкий обычно отдыхал осенью – в сентябре–начале октября. По всей вероятности, С.С. Слуцкий прислал статью в редакцию из этого имения.

выразиться, координатором этой религиозно-общественной инициативы стал С.А. Белокуров. Историк, археограф, он был автором более 400 работ и публикаций по русской истории, истории Московской Руси, русскому праву, быту, истории церкви, проблемам раскола, сношений русской церкви с другими восточно-православными церквями и др., и тема обыденных храмов как значимого звена древнерусской культуры, одного из ярких проявлений общинного и христианского духа русской народности была ему близка.

Архивные материалы, сохранившиеся в фонде ученого, раскрывают вехи его сотрудничества с Федоровым. С.А. Белокуров являлся в 1890-е гг. составителем и редактором томов «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», и уже в ближайшем 166 томе чтений, вышедшем в свет в 1893 г., он поместил «Сказание о построении обыденного храма в Вологде “во избавление от смертоносных язв”» с предисловием Федорова. Черновик предисловия, хранящийся среди бумаг Белокурова, чрезвычайно интересен с точки зрения того, как шла работа над этим текстом [9, л. 334–342]. Часть рукописи выполнена рукой Белокурова – возможно под диктовку, возможно – переписана с федоровского черновика, а по ней простым карандашом идет правка рукой Федорова, другая часть – написана рукой Федорова и по ней идут правки уже самого Белокурова. Рукопись демонстрирует теснейшее взаимодействие философа и историка, построенное на доверии и единомыслии. Примечательно, что Белокуров не редуцирует федоровский текст, как зачастую делали те, кого философ призывал выступить с его идеями от своего имени, он полностью сохраняет стиль Федорова, но главное – смысловую наполненность предисловия. Ведь Федоров в своем тексте не только излагал историю обыденного храмостроительства, рассказывая и о построении вологодского храма, не просто описывал архивные списки с публикуемой рукописи, но и представлял тот проект празднования 500-летия преподобного Сергия, который так и не смог в год юбилея провести ни в печать, ни тем более в жизнь: «Память всероссийского чудотворца должна бы быть отпразднована всею Россиею трудом построения храмов Живоначальной Троицы во всех городах и селах, и в последних в особенности. Эти храмы Пр. Троицы, хотя бы не обыденные, но при *всеобщем участии* созидаемые, будучи таким образом плодом труда, труда умственного и физического, плодом знания и искусства всей России, могут и должны служить школами, а вместе хранилищем и старинных икон, утвари, вышедшей из употребления, и вообще музеем, не пренебрегающим, по примеру древней Руси, и памятниками светского происхождения. При таком праздновании храмы-школы, которые в настоящее время сооружаются кой-где, были бы построены везде, во всей России, благодаря преп. Сергию, что было бы новым посмертным его чудом» [14, с. 47]. А далее предлагал осуществить этот проект к 500-летию открытия мощей преподобного, которое должно было праздноваться в 1922 г., положив ему начало «теперь же».

Фото 1.

Церковь Спаса Обыденного в г. Вологде.

Российская государственная библиотека

В выдвинутом Федоровым проекте повсеместного построения храмов-школ скрещивались, как минимум, четыре смысловых вектора: мемориальный (музейный), воспитательный, образовательный и общественный. Празднование памяти Сергия Радонежского, по замыслу Федорова, должно было отвечать религиозному содержанию его жизни, содействуя осуществлению того единства по образу Троицы, которое исповедовал и которому деятельно служил преподобный, и одновременно – дать новый толчок воспитанию и образованию ныне живущих людей, выстраивая его новую целостную модель. Горячо откликаясь на набиравший обороты в начале 1890-х гг. процесс строительства церквей-школ, когда в рамках одного здания соединялись храмовое

пространство и помещения для школьных занятий [3, с. 243–246], философ рассматривал это строительство в свете идеи всецелого оцерковления жизни, преодоления разрыва между храмовым и внехрамовым, между верой и знанием. И в предисловии к «Сказанию...» выдвигал образ храма-школы-музея как необходимого условия обретения подлинного совершеннлетия личности, неразрывного с сознанием сыновства, соединяющего любовь к Богу, Небесному Отцу, с любовью к земным отцам, к предкам, давшим нам жизнь.

Публикация текста «Сказания о построении обыденного храма в Вологде “во избавление от смертоносных язв”» с федоровским предисловием, не просто представлявшим этот письменный памятник, но призывавшим совершить то, что описано в нем – и даже, по слову Христову, «больше сих сотворить», начав построение храмов-школ по всей русской земле, и стала отправной точкой дела собирания сведений об обыденных храмах и жизни преп. Сергия Радонежского, которое как это следует из материалов архива Белокурова, напрямую соприкасалось с двумя ведущими темами Федорова – темой местной истории и темой школы. Отпечатав текст отдельными оттисками, Белокуров в марте 1894 г. разослал его в губернские ученые архивные комиссии. В письме, сопровождавшем брошюру, содержалась просьба сообщать сведения «о построении обыденных храмов как в данной местности, так и вообще на Руси» и присылать сказания о них. Черновой текст письма был составлен Федоровым, подписан Белокуровым и содержал широкий «вопросник»: «Имеются ли храмы или приделы во имя Пр. Сергия в вашей епархии, где именно в каких городах или селах, когда они построены и по какому поводу. О хождении на богомолье в Лавру из Вашей Епархии. Не имеется ли каких сведений о жизни, об открытии его мощей, о посмерт<ных> чудесах» [9, л. 328].

Также Федоров составил воззвание «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей и жизни преподобного Сергия Радонежского». При содействии Белокурова оно было помещено на задней обложке третьей книги «Чтений в Императорском обществе истории и древностей Российских» за 1894 г., а параллельно – напечатано и отдельными оттисками, которые были разосланы Белокуровым в редакции епархиальных ведомостей с просьбой их опубликовать и откликнуться. Обращение к ученым архивным комиссиям охватывало в основном светских ученых, отправляя воззвание в епархиальные ведомости, Федоров стремился донести свой призыв до духовенства.

Фото 2.

Н.Ф. Федоров. Заметка «Обыденные Церкви и преподобный Сергий», 1894.
Российская государственная библиотека

В фонде Белокурова отложились рукописные наброски возвания, а также черновик письма, сопровождавшего его отправку. В рукописном наброске присутствуют существенные разночтения с опубликованным текстом, что позволяет считать его отдельным вариантом возвания:

Обыденные Церкви – это памятники единодушия и согласия так редкого на земле вообще, а на Русской в особенности. Построение их даже в таких классических странах раздора, каковы Новгород и Псков, подобные Западу, свидетельствует о согласии, правда, очень непродолжительном. На обыкновенно бурных вечях водворялась тишина, когда дело касалось построения обыденного храма и решалось это дело единогласно мгновенно, так, что тишина эта была плодотворна, тогда как шумные вечы были бесплодны или даже вредны. Историки, увлеченные шумом, обыкновенно не придают значения этому затишью, а между тем это единственные светлые минуты в истории этих городов, для коих Смутное время было обычным состоянием. Единодушие, теснейшее соединение делало, можно сказать, чудеса. Оно производило больше, чем обещало, давали обет построить храм в один день, а устраивали его «в едино утро» (П<олное> С<обрание> Р<усских> Л<етописей>, т. IV стр. 97, 115). Обещали построить один храм, а воздвигали два – «а в остатных бревнах поставиша церковь Св. Илии», говорит летописец (Там же, 115). А что, если бы это единодушие из кратковременного стало обычным и охватило бы весь род человеческий; всех сынов человеческого! Во всяком случае существование обыденных храмов доказывает возможность единодушия и чем больше будет открыто этих памятников, тем доказательство будет сильнее. О возможности и в наше время единодушного действия

ясно говорит построение церквей<но>-приход<ской> школы в Мордовском Качиме, хотя построение этой школы встретило немногочисленных противников, но этих противников, по крайней мере большей их части, не было, если бы вместо церковной школы построили бы школу-Церковь, притом посвятили бы ее в память преп. Сергия образцу соединения – Пресв. Троице.

Эти памятники бескорыстной деятельности опровергают укоренившееся мнение, особенно на Западе, что плодотворна лишь деятельность отдельных личностей и только оплаченный труд приносит пользу, не бесплоден.

Для того и нужно покрыть всю Русскую землю этими памятниками<ками> единодушного и бескорыстного согласия ко дню прославления памяти чтителя Троицкого Бога, образца согласия, *обыденными школами-храмами*, принимая 25-летие за *один* день, за *едино утро*, для того чтобы эти редкие в древней Руси минуты согласия и совсем исчезнувшие в новой, стали постоянными в будущей Истории Руси, чтобы она стала не номинально лишь, а действительно Святою. То, чем пренебрегали [нрзб.] дущие Историю ученую (историки), то станет во главу угла в будущей Истории» [9, л. 327–328].

Если сравнивать данный текст с тем, который был опубликован в «Чтениях...» и разослан в епархиальные ведомости, то обращает на себя внимание имплицитно заложенный в него спор с современными Федорову европейскими исследованиями коллективной психологии, в частности с теорией преступной толпы Г. Тарда и С. Сигеле, которые настаивали на деструктивности поведения человека в массе, на понижение духовной и нравственной планки личности, как только в ней начинает действовать стадный инстинкт. Федоров противопоставляет преступной толпе строителей обыденных храмов, конгломерату атомарных, обособленных единиц, сбивающихся в массу, напоенную энергиями розни и разрушения, братски-любтивное многоединство, проявившееся в момент общего дела удивительное единодушие, подобное тому, что было сказано об апостольской общине I века: «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32). Прообразом такого единства, не стиравшего личность, а напротив, выявлявшего лучшие ее свойства, ее способность к любви, жертве, общему деланию, выступает не стадо, а Троица, не низший, животный, а высший – божественный образец. Строительство обыденных храмов в мысли Федорова предстает доказательством того, что для человечества возможно благое общее дело, более того – что это дело нравственно и религиозно оправдано. «В строении обыденных храмов выражается, что для Бога христианского, Троицкого, нет ничего более угодного, как совокупный, многоединный труд от всей души, от всего сердца, всю мыслью (знанием) совершаемый. <...> Жить *вкупе* есть и добро, и красно, этично и эстетично; а труд *вкупе* и в деле Божиим *еще выше*, еще величавее, еще прекраснее» [15, с. 24].

В сопроводительном письме в епархиальные ведомости Федоров обозначает близкий идейный сюжет, который затем будет развит им в статье «Обыденные храмы и ревивали» (1895). Называя строительство обыденных храмов «самым характерным явлением Русской земли, – земли общин, артелей, православно-соборной Церкви, – а вместе и самым загадочным явлением, ибо народ, способный дружными усилиями создать храм в один день, в своей обыденной жизни отличается неуживчивостью, постоянными раздорами, семейными раздорами», призывая к «собираению материалов для разрешения этой загадки», философ указывает на то, что исследование феномена обыденного храмостроительства может совершенно по-новому повернуть исследования «коллективной психологии, этой недавно возникшей науки, которая у нас, надо полагать, может получить особую важность и опровергнуть усвоенное на Западе мнение, уподобляющее совокупную деятельность психическим эпидемиям, повальным душевным болезням» [9, л. 331–331 об.]. Сам Федоров будет сравнивать два типа религиозных подъемов – строительство обыденных храмов в Древней Руси и так называемые «возрождения религии», составлявшие характерную особенность американских протестантских общин, во время которых охваченные религиозной экзальтацией огромные толпы верующих собирались в храмах или под открытым небом, проводя несколько суток под пение церковных гимнов и проповеди о близком конце света и страшном суде. Нервное напряжение человеческой массы выливалось в бурных эксцессах (люди рвали на себе волосы, одежду, вопили,

извивались в конвульсиях), подчас перерастало в агрессию: вспыхивали ссоры, драки, случались даже убийства. Покаяние, подстегиваемое апокалиптической угрозой, не находило сознательного исхода, в то время как покаяние строителей обыденных храмов было другим, выливалось в стремление богоугодным делом исправить грех несправедливой жизни – и лично своей, и деревни, села, города и даже народа. Воздвигаемый храм был выражением общей молитвы и сердечного приношения Богу. Обыденное храмостроительство представляло образом того активно-христианского покаяния, о котором не уставал говорить «пророк воскрешения», покаяния, которое с сердечным сокрушением и оплакиванием совершенного зла соединяет ликвидацию последствий этого зла, восстановление погибшего и утраченного.

Второй важнейший сюжет, обозначенный в вышеприведенном наброске, связан, как кажется на первый взгляд, с малым и частным фактом – строительством церковно-приходской школы в селе Мордовский Качим Пензенской губернии, которое совершилось в том же 1892 г. [11]. Школа была построена общим трудом учителей, учеников и родителей, и это обстоятельство привлекло особое внимание Федорова. В строительстве школы совокупным, безвозмездным трудом он увидел «истинное проявление того духа, который выражался в прежнее время в построении обыденных храмов» [14, с. 40], зачатки новой «совершеннолетней» нравственности. В статье «О значении обыденных церквей...» он прямо назовет строительство Качимской школы «великим всемирно-историческим событием», трактуя его как прямое опровержение пессимизма теоретиков коллективной психологии: «самый факт построения школы соединенным трудом многих, несомненно доказывает, что *тому, что называют толпой*, или сбродом, ничем не выдающихся людей, недостает лишь поприща, недостает великого дела, чтобы стать героями» [14, с. 38]. Философ уповает на то, что качимское событие станет образцом для всей России: «всякое село» сможет создать совокупным трудом «при своей церкви школу-храм, посвященный Пресвятой Троице – образцу единомыслия, единодушия и согласия» [14, с. 38]. А за этим священным строительством вырисовывается и новая форма организации школьного дела, построенная на взаимодействии семьи и школы, и новый образ труда, который не проклят, а благословен, и новая модель социума, где рознь и вражда поколений преодолевается общим созидательным делом. Да, пока это только дело строительства школы, но Федоров видит дальнейшие перспективы, встающие перед человеческим многоединством, стремящимся воплотить в своем бытии принцип Троицы: «жить со всеми и для всех», «жить со всеми живущими для воскрешения всех умерших».

В собирании сведений о храмах обыденных Федоров видел не просто историко-краеведческую работу, но дело нравственной важности: опираясь на традицию обыденного храмостроительства, он стремился показать «возможность единодушия» [9, л. 328], реальность общего дела, доказать, что «дух, создававший обыденные храмы, еще жив на Руси» [14, с. 52]. Философ очень надеялся на неравнодушный, небюрократический отклик – как от «светских», так и от «духовных» лиц.

В комментарии к III тому сочинений философа мы подробно касались обсуждения вопроса об обыденных храмах на заседаниях губернских ученых архивных комиссий [14, с. 607–608]. Опираясь на материалы архива С.А. Белокурова, можно утверждать, что, помимо Орловской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Ярославской ученых архивных комиссий, на обращение философа отреагировала еще Костромская комиссия. Федоров горячо воспринимал каждый отклик, даже если ответ ограничивался вежливой благодарностью за присылку «Сказания о построении обыденного храма в Вологде» или обещанием «оказать живейшее содействие» в собирании нужных сведений [9, л. 194]. На ответы, составленные на бланках, вежливые и благопристойные, но дававшие мало толку, он стремился реагировать делом и, как блестящий библиограф и библиотекарь, сразу указывал, в каком направлении следует двигаться членам комиссии, коль скоро они действительно стремятся к глубокому изучению края. Характерна с этой точки зрения заметка-памятка Федорова в адрес Саратовской ученой архивной комиссии, приславшей

тот самый ответ про «живейшее содействие»: «Саратовской Уч. Арх. Комиссии можно бы напомнить или указать на статью об обыден<ных> храмах, помещенную в “Саратов<ских> Епархиальных Ведомостях”. В этой статье один только недостаток: в ней нет указания на существование или несуществование обыд<енных> храмов в самом Саратовском крае, но этот недостаток может пополнить только Учен<ая> сарат<овская> комиссия. Сведения, нужные нам, необходимы и самой комиссии для полного исторического описания своего края» [9, л. 323].

Впрочем, то, что некоторые ученые архивные комиссии ограничивались общими выражениями благодарности и обещаниями содействовать, не давая при этом конкретных сведений, было связано как раз с тем, на что горестно сетовал Федоров: с утратой традиции обыденного храмостроительства, с тотальным незнанием как самого обычая, так и выстроенных таким образом храмов. Характерно с этой точки зрения письмо «правителя дел» Рязанской ученой архивной комиссии, историка, краеведа С.Д. Яхонтова Белокурову от 19 марта 1894 г. Заявляя, что мысль московского кружка, задумавшего собрать сведения об обыденных храмах, «заслуживает полного внимания и сочувствия», убеждая, что «“работающие” члены комиссии с удовольствием поделятся своими сведениями по этому предмету», он тут же оговаривался, фактически перечеркивая этой оговоркой все сказанное:

Но, спешу предупредить, едва ли наши поиски в этом направлении увенчаются каким-либо успехом. Вот мои соображения.

В нашем крае не из чего не видно, чтоб было «за обычай» строить обыденные церкви. Насколько мне известно, было таких 3–4 случая, да и то «кажется» построены не рязанцами. Я не берусь объяснить такое явление, п<отому> ч<то> довольно поверхностно знаком с этим предметом, никогда не останавливавшимся на себе особенного внимания. Может быть потому, что единодушие коренные рязанцы похвалиться не могли. Не знаю, верно ли я сужу, и знаю, что обыденные храмы в большинстве результат религиозного порыва частных лиц. По крайней мере, могу так сказать о Рязанских храмах.

Что касается до того, что до настоящего времени сохранились ли в Ряз<анском> крае таковые храмы, едва ли ошибусь, ответив отрицательно. Впрочем, проверю себя. Север в этом отношении счастливее нас; по нему не проносились такие погромы, какими полна злосчастная и многострадальная Ряз<анская> земля [9, л. 100–100об.].

Федоров, разумеется, не оставил слова Яхонтова без ответа. На том же листочке, на котором указаны пожелания Саратовской ученой архивной комиссии, которые, судя по всему, должны были быть озвучены в новом обращении туда Белокурова, набросано следующее возражение: «Попросите г. Яхонтова сообщить о тех 3, 4 случаях построения обыденных храмов, которые ему известны. Можно согласиться с ним, что обыденные храмы – результат религиозного порыва частных лиц, но порыва, сообщившегося от них многим. Иначе как понять построение храма, который *весь должен быть трудом одного дня*; не из готового леса, а из срубленного и перевезенного в тот же день» [9, л. 323–323об.].

Две архивные комиссии проявили особое тщание в ответ на приглашение к собиранию сведений об обыденных храмах и преп. Сергии Радонежском – Орловская и Тверская. Об этом свидетельствуют сохранившиеся среди бумаг Белокурова выписки из протоколов их заседаний. Так, 12 мая и 28 ноября 1894 г. Орловская ученая архивная комиссия обсуждала недавнее построение рабочими Бежицкого завода храма из старых рельс, и хотя на проверку оказалось, что храм был построен обычным образом, тем не менее сообщение об этом строительстве вызвало горячее одушевление Федорова. В заметке «Добрый почин», оригинал которой отложился в архиве Белокурова, Федоров разбирал этот пример, видя в нем проявление духа Древней Руси, облакающего в век железных дорог и индустрии в новые формы [4, с. 437–438]. 17 января 1895 г. член комиссии И.А. Богданов представил сообщение «о возникновении в г. Орле в *одну ночь часовни*», было рекомендовано напечатать это сообщение в трудах комиссии, а 11 мая 1896 г. Орловская ученая архивная комиссия уже официально пересылала «сообщение ее члена г. Богданова о построении обыденной часовни в г. Орле» [9, л. 95].

Особое место среди материалов, хранящихся в собрании Белокурова, занимают письма и документы священников, откликнувшихся на воззвание о доставлении сведений об обыденных храмах и преп. Сергии Радонежском, которое было напечатано в епархиальных ведомостях двадцати двух российских губерний. Одним из откликнувшихся на воззвание был протоиерей Николай Алексеевич Ребрин (1855–1910), настоятель Успенской церкви села Микшинское Пермской губернии. Его краткое, но энергичное письмо сохранилось среди бумаг Белокурова:

М<илостивый> Г<осударь>!
Знаю про обыденные храмы немного, – что знаю – сообщаю.
Если сведения эти известны Вам, бросьте в корзину негодных бумаг.
Древнерусский дух, одушевлявший наших предков на подвиги, жив!
Священник Николай Ребрин.

Мой адрес: Чрез г. Ирбит
Перм<ской> губ.
О<тцу> Н. Ребрину,
[в] Селе Микшинском» [9, л. 29].

К своему письму отец Николай приложил сделанные им выписки из Псковской и Новгородской летописей, содержащие сведения о построении обыденных храмов [9, л. 30–32]. Федоров был глубоко тронут этим тщанием пастыря из далекого Зауралья. В архиве Белокурова хранится написанный им для С.А. Белокурова проект ответа отцу Николаю – почтительный, почти благоговейный:

Рукопись с выписками из летописей о храмах обыденных мы приняли с большою благодарностью, и если бы даже все указанные в ней случаи построения этих храмов были нам известны, то и тогда мы были бы Вам признательны за участие, которое Вы приняли в деле разъяснения вопроса о хр<амах> обы<денны>х. Вы первый из-за Каменного пояса откликнулись на наше приглашение. Нам до сих пор неизвестно ни одного случая построения совокупными силами в короткий срок ни храма, ни даже часовни ни в Вашей (Екатеринбургской Епархии), ни во всей Сибири. Не забыто ли даже самое слово: обыден<ный> храм в сибирском народе? А мы полагали, согласно с Вами, что дух, одушевлявший наших общих предков на всякого рода подвиги, даже гораздо более сохранился в Восточной, в Вашей половине России, чем в нашей Западной.

Будем надеяться, что Вы и впредь не оставите нас своими сообщениями, если встретите в печатных или письменных памятниках или даже узнаете из разговоров, расспросов что-либо по занимающему нас предмету.

Препровождая к Вам оттиск из “Рус<ского> Архива” о хр<амах> обыденных и экземпляр⁹ просьбы о доставлении сведений...¹⁰ мы просим, если это не особенно затруднит Вас, разослать их тем, которые могли бы дать ответы на означенные там вопросы, т. е. есть ли в Сибири храмы, приделы или даже особочтимые иконы Пр. Сергия? Празднуются ли дни 5 Июля и 25 сентября и особенно праздновалось ли 25-е сент<ября> в 1892 году – год 500-летней памяти Пр. Сергия, или же Сибиряки совершенно забыли святых своей родины, которых почитали их предки?

Для нас важны также и отрицательные ответы, как и положительные [9, л. 92–93об.].

Набросав проект ответа, Федоров на том же листе делает памятку для Белокурова: «Свящ<енник> о<тец> Н. Ребрин оказал нам большую услугу. Он положил почин тому делу, которое нужно было давно уже сделать нам самим, он начал выборку от летописей тех мест, где говорится о Церквах обыденных, и нам остается только продолжать эту выборку, что легко сделать по указателям, если бы только нашелся переписчик» [9, л. 93 об.].

Переписка с о. Николаем Ребриным продолжилась и в дальнейшем. К сожалению, в бумагах Белокурова она не сохранилась, но сам Федоров в итоговой статье «О значении

⁹ Можно послать два или три экземп<ляра>, приложив к ним почтовые марки, и обещать, по первому его требованию, выслать и еще несколько экземпляров, сколько он потребует. (Эта сноска сделана простым карандашом рукой Н.Ф. Федорова и обращена к С.А. Белокурову. – А. Г.).

¹⁰ Прот. Николаю Ребрину были отправлены оттиск воззвания «О доставлении сведений, касающихся обыденных церквей...» и статьи Н.Ф. Федорова «Обыденные церкви на Руси» (Русский архив. 1894. № 11. С. 448–453), в которой философ обобщил первые полученные в 1894 г. данные об обыденных храмах.

обыденных церквей...» приводил обширные выдержки из письма отца Николая от 11 ноября 1895 г., который, в подтверждение мысли о том, что традиции постройки храма всем миром и в необычайно краткий срок живы и в современной России, рассказывал о постройке в Пермской губернии каменных храмов общим безвозмездным трудом. Спустя несколько лет В.А. Кожевников в период работы над статьей «Обыденные храмы в Древней Руси», которая была написана им по побуждению Федорова, с широким использованием собранных материалов, а также текстов самого философа и напечатана в 1900 г. в № 1 журнала «Русский вестник», запрашивал у Белокурова это письмо отца Николая, намереваясь ввести его в собственный текст, однако оно оказалось утраченным.

Зато среди бумаг Белокурова находим письма и документы других пастырей, которые откликнулись на воззвание. Это письма священника Спасообыденской церкви в г. Сольвычегодске отца Тихона Евгеньевича Чулкова (1869 – после 1930) и священника сел Шишадеева и Старо-Рождествена Нижегородской губернии отца Иоанна Флегонтовича Лаврова (1864 – после 1908). Их имена Н.Ф. Федоров упомянул в статье «Обыденные Церкви на Руси», которая вышла в № 11 журнала «Русский архив». Философ обращался здесь к аксиологии обыденного храмостроительства, представлял его как полноту выражения русской идеи, как «разгадку того, что такое Русь, в чем ее самобытность и на что она способна», и одновременно как полноту христианства, «ибо в единомышленном, беззаветном труде на пользу общего, святого дела и раскрывается нравственное значение высочайшего догмата христианства, догмата о Святой Троице неслиянной и нераздельной, где единство не есть подчинение, а неслиянность не есть рознь» [14, с. 55]. В статье Федоров начал полемику с теорией преступной толпы, развернув тезисы, обозначенные в черновом варианте возвания о доставлении сведений об обыденных храмах, текст которого мы привели выше, и, актуализируя вопрос об обыденном храмостроительстве, заострял его в вопрос о причинах межчеловеческой розни и путях ее преодоления. История обыденного храмостроительства, подчеркивал он, воочию демонстрирует, что «главная причина розни скрывается не в людях, а в отсутствии дела безусловно благого и святого, дела, которое было бы одинаково дорого для всех» [14, с. 54]. Одновременно философ обращал внимание читателей «Русского архива» на инициативу «г. Белокурова», полностью приведя текст возвания о доставлении сведений об обыденных храмах и преп. Сергии Радонежском, сообщал о том, что готовится «сборник, в котором должны быть собраны все известия об открытии мощей Преподобного, и особенно все посмертные чудеса исторического характера», а также поименно выражал благодарность тем «деятельным помощникам», которые отозвались на воззвание и прислали имеющиеся у них сведения.

Итак, отец Тихон Чулков. В письме от 7 сентября 1894 г. он сообщал о строительстве в Сольвычегодске 16 августа 1571 г. Спасо-обыденной церкви, причем предлагал в дальнейшем подробнее описать то, как она обустроена ныне. Откликаясь на это предложение, Федоров так комментировал его в ответном письме:

В Сольвычегодск, Вологодской губ.
Священнику Спасообыденской Церкви
Отцу Тихону Евгеньевичу Чулкову

С искреннею признательностью спешим, прежде еще выхода сборника, в который войдет Ваше письмо, препроводить к Вам небольшую заметку, появившуюся в «Русском Архиве» о лицах, отозвавшихся на призыв. Предложение Ваше описать нынешнее состояние храма и прихода принимаем с глубокою благодарностью, а также просим сообщить, был ли празднуем в Сольвычегодске 500-летний день памяти Пр. Сергия, были ли паломники из Сольвычегодска в этот день в Св-ято-Троицкой Лавре, бывает ли вообще хождение на поклонение гробу Пр. Сергия из Вашего края, отделенного почти 1000 верстным расстоянием от Лавры? [9, л. 68].

В конечном итоге, с описанием церкви отец Тихон решил все же повременить, ссылаясь на начавшиеся перестройки внутри ее здания, однако на другие вопросы ответил. «Бывший 500-летний юбилей памяти преподобного Сергия в 1892 году, – пояснял он в

письме от 14 декабря 1894 г., – был празднуем в городе Сольвычегодске таким образом: накануне во всех церквях города было отслужено торжественное всенощное бдение с литией, благословением хлебов, величанием и чтением акафиста преподобному. В самый день праздника были совершены литургии, а к поздней литургии духовенство собралось в городской собор, где в присутствии городской администрации, учащихся и учащих было совершено молебствие преподобному Сергию. За литургией в соборе настоятелем Собора местным протоиереем было произнесено слово о значении преподобного Сергия в жизни русского государства. В этот день едва ли были из Сольвычегодска поклонники в Лавру; по крайней мере я не слышал. Но в обыкновенное время богомольцы в Лавру бывают постоянно. Особенно нужно заметить о торговом классе людей, проезжающем в Москву по своим торговым делам. Торговые люди считают своею священной обязанностью, особенно на обратном пути, остановиться в Лавре единственно для того, чтобы отслужить молебен у мощей преподобного и помолиться у гроба великого Чудотворца» [9, л. 147–147 об.]. Отец Тихон сообщал и о том, что его, пастыря, не раз «просили отслужить молебен преподобному Сергию – испросить у него помощи учащимся – когда ученик отличается неспособностью в понимании изучаемого» [9, л. 147 об.], а также упоминал, что в 10 верстах от Сольвычегодска существует каменный двухэтажный храм во имя свт. Николая, верхняя часть которого посвящена преп. Сергию.

В письме отца Тихона особое внимание Федорова привлекло сообщение о молебнах преп. Сергию за неуспешных учеников. «Желая просветить всех, – пишет Федоров в одной из заметок, – Пр. Сергий делается помощником немощным разумением и отверзает им смысл. Священник Сольвыч<егодской> Обыден<ной> Церкви сообщает такие случаи из его практики, когда его просили отслужить молебен Пр. Сергию – испросить у него помощи учащимся – когда учащиеся отличаются неспособностью к пониманию изучаемого. В самом житии пр. Сергия есть основание к подобной молитве и потому в нем должно признать покровителя всеобщего обязательного образования» [9, л. 77 об.].

Все, что касалось жизни, подвижнических трудов и чудес преп. Сергия Радонежского интересовало Федорова не меньше, чем история обыденного храмостроительства. Более того, два эти сюжета были для него взаимосвязаны. Преп. Сергий, видевший в Пресвятой Троице не только догмат, но и заповедь умиротворения, нес в себе тот же дух, который одушевлял и строителей обыденных храмов. Получая ответы с мест, мыслитель особенно радовался новым данным о местном почитании преподобного и о местных преданиях о нем. Именно поэтому так оценил он вклад отца Иоанна Лаврова, который отреагировал на воззвание как раз в той его части, которая касалась собирания преданий о Сергии Радонежском, местном почитании преподобного, истории храмов и приделов, ему посвященных, паломничества в Троице-Сергиеву Лавру и др.

В своем письме от 28 июля 1894 г. отец Иоанн сообщал: «Я в продолжение 8 лет служу в двух селах Шишадееве и Старорождестве (Староселье, при Тагаеве); в обоих селах престолов в честь Преподобного о Сергия нет, но народ благоговейно чтит память Преподобного, в день памяти Преподобного 25 сентября Богослужение бывает, как в храмовый праздник; народ в честь Преподобного часто просит дать их новорожденным детям имя “Сергий”, к Преподобному обращаются неплодные матери с молитвою о разрешении их неплодия, почему – объяснить не могу. В очень многих домах есть иконы Преподобного Сергия, паломничество в Троице-Сергиевскую Лавру развито, ежегодно отправляется в великом посту по несколько человек и некоторые там исповедуются и приобщаются, напр<имер>, кр<естьян>ки Параскева Романова, Евдокия Волкова, Анастасия Панягина и очень многие другие. Так же кр<естьян>ки были в Лавре в 1892 г. по поводу празднования 500-летия, принесли оттуда множество картинок, иконок, виды Лавры и пр. Одна прихожанка Волкова подарила мне маленькую принесенную иконку Преподобного. Один крестьянин Андрей Волкова умер на дороге, возвращаясь из Лавры, а другой Павел Романов умер в самой Лавре и там же похоронен, один из моих прихожан

крестьянин Петр Новиков в настоящее время состоит послушником в Троице-Сергиевой Лавре» [9, л. 208–209].

Письмо отца Иоанна Лаврова было первым содержательным откликом, которое Федоров и Белокуров получили в ответ на воззвание. Стремясь подвигнуть корреспондента к дальнейшей активности, Федоров составил для Белокурова проект благодарственного письма, которое одновременно было и побуждением к действию:

Починки Нижегородской губ. с. Старорождествено (Лукояновского уезда) Священнику отцу Иоанну Лаврову

Сборник о пр. Сергии будет доставлен Вам тотчас по выходе. До выхода же его считаем долгом препроводить к Вам с искреннейшей признательностью небольшую заметку, помещенную в “Рус<ском> Архиве” о лицах, отозвавшихся на наш призыв, от них же *Вы – первый*. В Вашем приходе есть, по-видимому, целые семьи (Романовы, Волковы), отличающиеся особым почитанием Пр. Сергия. Желательно было бы знать, составляет ли это исключительную принадлежность Вашего прихода, или же подобные же семьи находятся и в соседних с Вашим приходах. Сообщением этих сведений премоного обяжете.

Глубоко уважающий Вас [9, л. 89].

Отец Иоанн Лавров откликнулся и на этот призыв. 2 декабря 1894 г. он отправил С.А. Белокурову развернутое письмо, в котором не только максимально подробно ответил на присланные вопросы, но и сообщил о собираемых им археологических материалах, а также документах, связанных с местной историей, исследованию которой придавал такое значение Федоров:

Милостивейший Государь
Сергей (извините отчества Вашего не знаю)

Ваше письмо и брошюрку¹¹ получил, за что премоного благодарен. В последней прочитал, что на Ваше объявление откликнулось немного, на это имею честь объяснить Вам вот что: мы впали в спячку, кто возбудит ны? Научные вопросы нас не интересуют и откровенно скажу Вам, что нынешний год, когда я записался в члены общества Распространения Св. Писания, то от многих слышал: охота тебе возиться: видно делать нечего тебе, а у них будто больше моего дела. Священники ответы писать не привыкли, если потребовать официально чрез Консисторию – ну тогда другое дело, и то я знаю, что многие напишут: моя де хата с краю, я ничего не знаю. Не подумайте, что я хочу хвалить себя и порочить других, ни Боже мой, от других похвал от кого бы то ни было не люблю и сам хвалиться не охотник, но как любитель древностей и охотник всяких научных изысканий – с удовольствием читаю и охотно отвечаю, если где нужно. В предыдущие года я собрал было множество разных древностей (оловянный сосуд представлен в Ниж<егородское> Древнехранилище), книг старинных, иконы, крестов, рукописей, монет и пр. но многое множество их взято у меня священником города Нижнего Новгорода Порфирием Лебедевым, как я думал, в Древлехранилище, а на самом деле подарены художнику Карелину. В настоящее время у меня есть еще кое-какие древности: летопись Нестора 1450, кажется, года, проповеди рукописные 1796 года одна и одна 1806 года в день Св. Николая обе. Поучения, говоренные в присутствии Екатерины II еп. Платоном и др. Вы, как член Общества Древностей и Истории, вероятно, собираете означенные древности и, если Вам угодно, с удовольствием уступлю (конечно, пересылку примите на свой счет). И впредь, если что Вам будет нужно доставить какие-либо сведения по этой части, или если где достану какую-либо древность, с удовольствием буду отвечать и пересылать.

С истинным почтением к Вам Ваш покорнейший слуга с. Старорождествена

Священник И. Лавров.

2 Декабря 1894 г.

Не угодно ли копию с летописи села Старорождествена и Шишадиева – отпечатаны нигде не были?

Дополнительные сведения о преподобном Сергие

В дополнение к сообщенному имею честь присовокупить: в окружных с Старорождественном селах память Преподобного чтится так. Напр<имер>, в селе Мадаеве есть храм в честь Преподобного Сергия (село Мадаево в 30 вер<стах> от Старорож<дествена>). Паломники в Лавру ходят в большем количестве из окружных сел: Ризоватова, Мадаева, Михайловки, Наруксова; ходят мужчины, женщины, старые девы и так называемые незамужки, это девы, отказавшиеся выдти в замужество. Вот так отвечали мне на мои вопросы

¹¹ Имеется в виду отдельный оттиск статьи Н.Ф. Федорова «Обыденные храмы в Древней Руси» (Русский архив. 1894. № 11).

крестьяне, спрошенные мною – на вопрос о том – часто ли они ходят на поклонение в Троице-Сергиевскую Лавру? – К батюшке Сергию чудотворцу, как же, привел Господь, поклонилась ему батюшке и Св. Таин принять сподобилась, была прошлый год, третья года (третьего года назад) была, лет пять была – а в результате выйдет, что ежегодно ходит чуть не 20–30 лет. – И что хорошо там? И-и гожа (хорошо) всего насмотрелась и пр. Очень многие ходят по обещанию, дав его во время болезни, или во время какого несчастья. Вообще могу с достоверностью сказать, что если не во всех, то в очень многих селах преподобный Сергей почитается точно также, как и Святитель Николай. Если же где мало чтится его память, то это зависит вот отчего: Служба Преподобному Сергию находится под числом, т. е. впереди его службы 25 числа сентября служба положена Преподобной Ефросинии (кажется), а о преподобном Сергии сказано: совершается собор его, идеже лежат мощи его и кгдеже храм его; поэтому некоторые священники службу его оставляют, а некоторые, если нет казальной службы, совсем не служат. На юбилей Сергия Преподобного в 1892 г. из нашего округа было много народа, а если из которых сел не было, то это зависело от того, что многие не знали не только простой народ, но и Священники, особенно те, которые не выписывают газет, а в Епархиальных ведомостях насколько помнится ничего об этом не было, кроме небольшой заметки помощника Инспектора Семинарии Д.В. Лаврова.

С искренним почтением к Вам

С<ела> Старорождествена Священник Иоанн Лавров.

2/ХІІ 1894 [9, л. 158–161 об.]

Письмо отца Иоанна Лаврова, в котором звучал голос «почвы», крестьянского «мира», было прямым доказательством мысли Федорова о значимости церковного краеведения, о храмах-музеях, о роли изучения местной истории и его «нравственно-образовательном» смысле. Проект ответа нижегородскому корреспонденту, составленный как бы от имени Белокурова, был таким:

Письмо к Свящ<еннику> Отцу Иоанну Лаврову.

И на второе приглашение Вы отозвались первый. Не ограничиваясь сообщением сведений о новом и старом, Вы предлагаете самые древности теперь и то также, что будете иметь, сожаления, что не можете отдать и того, что было у Вас, чего уже нет. Ваша любвеобильная щедрость не имеет пределов, никакая жертва не кажется ей большею. То, что не могли дать в подлиннике, предлагаете в виде копий и ни во что ставите переписку. [Предлагаете] *в виде копии* отдать Церковную летопись. Это последнее мы принимаем с глубочайшею благодарностью, просим сообщить, если это возможно, а для Вас в этом благом деле нет ничего невозможного, не имеется ли летописи при храме батюшки Сергия (как говорят Ваши паломники) в Мадаеве.

Что касается древностей, то насколько с Вашей стороны хорошо дать, настолько с нашей стороны совестно было бы принять, хотя бы и для общества древностей, ибо некоторые из древностей могут и должны быть сохраняемы или при храме, или еще лучше при школе, если таковая есть, а лучше всего при храме-школе, каковые открываются во множестве, как видно из «Церк<овных> Ведомостей» и которые предлагается устроить повсюду, как Вы это увидите из посылаемой к Вам брошюре «Сказ<ание> о построении> обыд<енного> х<рама> в Вологде» к пятисотлетнему Юбилею открытия мощей Пр<еподобного> Серг<ия>. Сохранением древностей будет положено начало небывалому еще в целом мире учреждению – Сельскому музею.

В основу Сельского исторического музея следовало положить, как нам кажется, вещи и сочинения, относящиеся ко времени Митина, когда Русский народ вообще, а предки низового, т. е. Вашего края в особенности, показали великое самоотвержение, восстав, как один человек, по призыву Минина, избранного Пр. Сергием для спасения Земли. Лучшим сочинением для этого времени может служить большая часть 2-го тома археографической экспедиции, которую следовало бы назвать «Перепискою крестьян о спасении Русской земли или отписки городов, а города эти были те же села и называли себя крестьянами, не отличая этого названия [от] христиан. К сожалению, не можем выслать этого тома актов археологической экспедиции». Посылаем, что имеем (подражая Вам) и что будем иметь, и между прочим, Цветок, прозябший в Академии при Лавре Пр. Сергия. Если мы найдем хорошие картинки, относящиеся к т<ак> называемому Смутному времени, то охотно препроводим к Вам для наглядного поучения детям Вашего прихода, конечно, если Вы изъявите желание иметь такие пособия к обучению. Впрочем, если пожелаете быть избранным членом-корреспондентом О<бщества> И<стории> и Д<ревностей> Р<оссийских>, то пришлите что-либо из Ваших древностей, на пересылку прилагаем.

В ожидании с нетерпением копии летописи Церковной и твердой уверенности, что не оставите уведомлением о всем, что узнаете о почитании пр. Сергия в ближних или дальних от Вас местах [9, л. 75–77].

В письме отцу Иоанну Лаврову Федоров излагал одну из своих заветных идей – идею устройства сельских музеев, средоточием которых, по его мысли, могли быть храмы, школы или школы-храмы. Собираение сведений о храмах обыденных и преп. Сергии

Радонежском было для философа первым шагом в утверждении нового краеведения и педагогики, основанных на единстве памяти, веры и знания, дающих каждому человеку возможность стать собирателем местной истории, раскрывающих прошлое как «собор лиц».

Отец Иоанн Лавров воплощал в себе тот тип священника, который особенно был дорог мыслителю. Сельский пастырь, неустанно заботящийся о прихожанах и одновременно любящий свой родной край, интересующийся его прошлым, летописец села и церкви, собиратель древностей и знаток истории, вызвал симпатию и самого Федорова, и С.А. Белокурова. В 1895 г. он прислал С.А. Белокурову составленные им летописи обоих сел, в которых пришлось ему служить: села Старо-Рождествена и села Шишадеева. Эти летописи, сохранившиеся в собрании Белокурова [9, л. 169–181; 7], еще ждут своего публикатора и исследователя.

Характерная и очень федоровская деталь: летопись Старо-Рождествена составлялась иереем Иоанном Лавровым в том числе на основе данных, собранных его отцом, священником Флегонтом Лавровым. Эта семейная преемственность в кругу корреспондентов Федорова и Белокурова, доставлявших сведения об обыденных храмах и почитании преп. Сергия, не была единичной. Так, священник с. Альферьевского Калужской губернии Тимофей Павлович Тарбеев (1869–1938) прислал Белокурову летопись села, «составленную его отцом и предшественником», протоиереем Павлом Тимофеевичем Тарбеевым, законоучителем Альферьевского народного учителя, подвижником в сфере народного образования. Федоров широко использовал эту летопись и содержащийся в ней рассказ о происхождении запрестольной иконы Пресвятой Троицы в статье «О значении обыденных церквей...» [14, с. 33–34]. Самому же священнику написал так:

Тимофей Павлович

Выписки из летописи Вашего предшественника и отца так драгоценны для нас, что за сообщение их не можем не выразить Вам нашей искренней и глубочайшей благодарности. Сведения, заключающиеся в них (особенно в § 15) так важны, поучительны, что могут быть отнесены к посмертным чудесам пр. Сергия. Если в храме, посвященном Пресвят. Троице, малопросвещенные крестьяне почитают Св. Сергия более, чем Пресвятую Троицу, то появление иконы, на которой сам Пр. Сергий вместе с своим святым преемником Никоном изображены несущими образ Пресв. Троицы, не должно ли быть принято за указание свыше. Не выражается ли в этих знаменательных событиях, как они описаны в летописях, Святая воля преп. Сергия, чтобы прихожане при храме, в котором они почитают пр. Сергия, воздвигли совокуп<ными> силами храм-школу, посвященную Пресв. Троице, хотя бы ко дню памяти открытия Его св. мощей, частица коих находится в этой самой иконе. И это дело строения тем легче и тем обязательнее совершить для крестьян села Альферьевского, что они получили от самого места пр. Сергия в наследие большую лесную дачу (§ 3). Таких храмов-школ воздвигается в настоящее время очень много, как видно из Церковн<ых> Ведомостей, издаваемых при Свят. Синоде. Построением Школы-храма обычай установившийся не будет нарушен, а школа научит надлежащему почитанию Пр. Троицы.

Такой показательный урок мы вынесли из чтения летописи Вашего батюшки. Впрочем, впечатления, вынесенные нами из чтения, м<ожет> б<ыть>, ошибочны; Вы, ближе знающие описываемые события, лучше можете судить о значении их. Просим принять от нас препровождаемые при сем: Сказание о построении Обыден<ного> храма в Вологде, а также и заметку Русского Архива о лицах, отозвавшихся на нашу просьбу. Ваше имя не могло быть там упомянуто, потому что заметка отпечатана прежде получения от Вас письма с выписками из летописи.

На станцию Людково, Калужской губ., в село Альферьевское, Мосальского уезда
Священнику Тимофею Павловичу Тарбееву [9, с. 70–71 об.].

Собирание сведений об обыденных храмах и преп. Сергии Радонежском скрещивалось с собиранием местной истории. Вслед за письмами, содержащими искомые сведения, по запросу Федорова и Белокурова отправлялись летописи села или церкви. В архиве Белокурова сохранились присланные ему в 1893–1894 гг. подборки клировых ведомостей для г. Ирбита и уезда, Старого Оскола и уезда [5; 6], содержащие сведения по истории местных церквей, святынь, духовенства. Отложилось здесь и большое письмо

филолога, педагога И.М. Ивакина, предположительно относящееся к 1895 г., в котором он описывал свое путешествие в Вышгород и произведенный им осмотр каменной церкви святых Бориса и Глеба, построенной на месте маленького деревянного храма, куда были после пожара в 1020 г. перенесены мощи братьев. Сообщая Федорову о своей поездке, Ивакин не ограничился рассказом о церкви и своих поисках фундамента церкви св. Василия, где первоначально находились мощи Бориса и Глеба, но дополнил его яркой характеристикой города, описанием его топографии, портретами местных жителей и др. [10, л. 2–11об.].

Яркой страницей летописи собирания сведений об обыденных храмах и преданий о преп. Сергии, является история контактов сначала Белокурова, а затем самого Федорова с Матвеем Павловичем Азанчевским-Азанчевым (1830–1904), потомственным военным, бывшим вице-губернатором Астрахани и Саратова, глубоко верующим человеком, жившим в 1890-е гг. в своей усадьбе Троицкое-Лобаново. 22 декабря 1894 г. М.П. Азанчевский-Азанчев направил письмо С.А. Белокурову, в котором сообщил, что в селах Троицкое-Лобаново и Покровское Бронницкого уезда бытует следующее предание о Сергии Радонежском: «Святой Преподобный Сергий <...> приходил из Москвы в Коломну – заходил в село Покровское и отдыхал у церкви, на берегу р. Северки, любясь красивою местностью, расстилавшеюся перед церковью. В этой церкви, во имя Покрова Пресвятой Богородицы сохранялись холщевые, крашенные, облачение Св. Сергия, и теперь показывают пряжку от монашеского пояса, ношеного Преподобным Сергием.

Мимо сел Троицкого-Лобанова Покровского шла большая московская дорога из Москвы в Коломну; в Коломне монастырь, основанный Св. Сергием, где и хранится посох Святителя; следовательно, весьма вероятно, что мимо и чрез эти села Св. Сергий совершал сие благодатное путешествие. <...>

Теперь желательно бы было эти народные предания и молву поверить историческими данными, относящимися до посещения Святителем Сергием сел Троицкого и Покровского. А для того 1) определить старинное направление б. дороги из Москвы в Коломну (по писцовым книгам арх. Министерства Юстиции) 2) По описаниям жития Св. Сергия определить время путешествий Его из Москвы в Коломну, сообразуясь со временем основания монастыря в Коломне» [9, л. 185]. Сообщая о том, что «местными жителями весьма почитается память Св. Сергия», М.П. Азанчевский-Азанчев рассказывал, как прихожане церкви в селе Троицком-Лобанове решили ко дню 500-летия со дня его кончины «соорудить» для церкви образ преподобного, подчеркивая что «разработка народных преданий и молвы, сохранившихся до настоящего времени», сослужит важную службу «к укреплению вечно живых чувств народных и убеждений в завете мира и правды Александра III, провозглашенного со всею беззаветною сыновнею преданностью Николаем II» [9, л. 185].

На тексте сообщения, присланного М.П. Азанчевским-Азанчевым, множественные пометы Федорова. На полях листа философ набрасывает свои мысли по поводу присланного, задает ряд вопросов: «Если в Покровском храме сохранилась холщ<евая> Риза Пр. Сергия, то это показывает, что Пр. Сергий не отдыхал только у храма, но и служил в Храме Покрова Б<огороди>цы. И если память о нем сохранилась до сих пор, то это показывает, что прохождение его ознаменовывалось не службою лишь в храме, но и внехрамовою службою или услугою селу Покровскому. Не говорит ли что-либо об этом предание?

Существование храма Пр. Троицы в Лобанове может служить доказательством, что тут пролегла дорога от Москвы до Коломны или от Лавры до Голутвина, ибо места прохождения преп. Сергия ознаменовались построением храмов Пр. Троицы – это понятно [далее несколько слов нрзб.].

Кому принадлежит мысль о сооружении иконы в память пятисотлетней его кончины? Одному или многим пришла такая мысль, как была принята эта мысль? Кем писана икона, так как она не могла быть сооружена общим трудом, и на общий лишь счет?

Было ли письмо где об этом деле?» [9, л. 185].

Отталкиваясь от приведенного Азанчевским предания, Федоров сопрягал уроки прошлого с уроками настоящего, идею умиротворения и преодоления розни с идеей деятельного поминовения, просвещения, единства веры и знания: «Сообщение г. Азанчевского, – пишет он в другой заметке, – следует назвать *Восстановлением* первоначального пути или священной дороги, по которой ходил Пр. Сергей для устройства общежития на Голутвине (на месте разбойничьей шайки голытьбы, заполнившей дороги из Москвы ко Оке), а для умиротворения в Рязань; по этой же дороге шел и Димитрий к Дону, получив благословение Пр. Сергия; по ней же ходили богомольцы во времена открытия мощей Пр. Сергия. Если Рязань или Рязанская архивная комиссия потрудится к юбилею 1922 года отыскать следы пребывания Пр. Сергия для совершения миротворного подвига, то богомольцы, идущие из степи, бывшей постоянным местом войны, в Рязани начнут поминовение дел Пр. Сергия, увековеченного школою-храмом, посвящ^{енным} в память Сергия Пр. Троице, где они могут видеть и картину монаха, склоняющего к миру Князя.

Затем Голутвин монастырь будет второю остановкою, если не откроется новые места, где сохранилась память о пр. Сергии, подобно тому, как г. Азанчевский открыл место, в котором народное предание видит место отдыха Пр. Сергия, конечно, озаменованное каким-либо делом милосердия. Поэтому Покровское и Троицкое-Лобаново обязаны поставить памятник, не мертвую плиту, а памятник храм-школу, оживляемый Церковью учащую и учающуюся [9, л. 262–262 об.].

В 1895 г. М.П. Азанчевский-Азанчев продолжил работу по выяснению того, насколько исторично предание о посещении преп. Сергием двух этих сел. А в июне того же года для обследования Троицкого-Лобанова, Покровского и окрестностей из Москвы по наводке Федорова приехал Г.Д. Филимонов, историк и археолог, заведовавший в Румянцевском музее отделением древностей. В письмах философу от 5 и 20 июня 1895 г. Азанчевский-Азанчев сообщал о результатах обследования Церкви Спаса Преображения в Заварине, о перспективах археологических раскопок в крае, посредничество в организации которых также принадлежало Федорову, видевшему «нравственную задачу» археологии «в том, чтобы, собирая и восстанавливая памятники прошлого всех народов, соединить нынешнее живущее поколение сынов-потомков, в любви к отцам-предкам, любви не мертвой, а животворной» [14, с. 6]. приводит перечень реликвий, которые, по заключению Филимонова, находятся в Троицко-Лобановской местности. И возвращается к главному выводу: по мнению Филимонова, «церковь Спаса Преображение, что на Заварине – можно с положительностию считать времен преподобного Сергия и Димитрия Донского. Таким образом, эту церковь и все соединенное с нею народное предание можно считать богатым вкладом для жизнеописания преподобного ко дню 500-л^{етия} открытия мощей» [10, л. 15].

Все материалы, относящиеся к обыденным храмам и почитанию преп. Сергия Радонежского, проходившие через руки С.А. Белокурова, стекались к Федорову. Об этом свидетельствуют пометы философа на письмах, рукописях, выписках из летописей об обыденных храмах, отложившиеся в белокуровском фонде. Периодически в ворохе писем и отношений попадают листы с библиографическими заметками Федорова или записями Белокурова, сделанными в рамках их общей работы. На одном из листов, перечисляя фамилии лиц, «обещавших доставить сведения о Храмах обыденных и о преп. Сергии», Федоров упоминает В.В. Верещагина: «Верещагин В.В., художник и литератор, обещал доставить кальку Туровецкого Обыденного храма». В скобках Федоров уточняет: «и конечно не исполнил обещания», а затем зачеркивает эту фразу, делая приписку: «исполнил» [9, л. 65].

В.В. Верещагин обещал Федорову сделать кальку с рисунков сразу двух обыденных храмов: обыденной церкви Флора и Лавра, сохранившейся в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии, о которой он писал в книге «На Северной Двине» (М., 1895), и обыденной церкви в Туровце Вологодской губернии. О том, что художник рисунки

доставил, свидетельствуют не только слова Федорова в статье «О значении обыденных церквей...» [14, с. 17], но и записка супруги Верещагина Л.В. Верещагиной, хранящаяся в бумагах Белокурова: «Василий Васильевич Верещагин поручил кланяться, возвратить книги и передать рисунок обыденной церкви Николаю Федоровичу. Л. Верещагина» [9, л. 357].

Фото 3.

Обыденная Церковь на Цивозере.

Фото Б.К. Кнорре

В завершение обзора фонда С.А. Белокурова приведем три письма к нему Н.Ф. Федорова, относящиеся к истории создания и продвижения в печать статьи философа «О значении обыденных церквей...». В этой статье был не просто обобщен обширный материал, собранный Федоровым и лицами из его окружения и присланный в ответ на воззвание, но и сквозь призму обыденного храмостроительства дано изложение учения всеобщего дела [15, с. 5–50]. Однако именно последнее обстоятельство оказалось для статьи роковым: напечатать ее при жизни так и не удалось.

Первые два письма написаны летом 1896 г. из Воронежа, где Федоров жил в период отпуска в Румянцевском музее, третье – в ноябре 1899 г. из Асхабада, куда он уехал в августе 1899 г. к Н.П. Петерсону, переведенному из Воронежа на новое место службы.

1

Глубокоуважаемый
Сергей Алексеевич.

Посылаю Вам вместе с этим письмом статью «О значении обыденных храмов...» и прошу Вас, по прочтении оной сообщить, что Вы в ней приемлете и что отмечаете, а если она окажется совсем неудобоприемлема, то прошу Вас возвратить ее, а я *тотчас* вышлю Вам все письма и бумаги, относящиеся к обыденным Церквам и Пр. Сергию.

Покорнейше прошу Вас передать мое почтение Сергею Сергеевичу¹² и узнать от него, будет ли напечатана заметка И.М. Ивакина, а также и другая заметка о коронационной выставке в Воронеже¹³. Если же что-либо из этого напечатано, то прошу выслать. Письмо это посылается как раз накануне дня Вашего Ангела, с коим и имею честь поздравить.

Готовый к услугам,
глубокоуважающий
Н. Федоров.

Адрес. В Воронеж
Городскому Судье 3-го участка
Николаю Павловичу
Петерсону
с передачею Н.Ф. Федорову.
Воронеж. 4 июля 1896 [9, л. 204–204 об.].

2

Глубокоуважаемый
Сергей Алексеевич.

Посылая Вам статью о значении обыденных храмов я забыл сказать, что в нынешнем (96) году исполняется 900-летие от построения Св. Владимиром храма, несомненно обетного, а может быть и обыденного, в Василеве. В статье указывается, что храм мог быть построен однодневно тем способом,

¹² Речь идет о С.С. Слуцком.

¹³ Имеется в виду выставка, организованная Воронежским губернским музеем 14–30 мая 1896 г., поводом к которой стала коронация Николая II. Идея выставки, раскрывавшей метафизику царской власти, смысл коронации, задачу России как собирательницы земель и народов, была предложена Н.Ф. Федоровым.

каковым по преданию сложен храм во Владимире Волынском, т. е. совокупною силою всей дружины Владимира и где он сам, конечно, положил и первый и последний камень, начал и завершил его. Очень может быть, что в Киевской Руси храмы воздвигались не только народом, сколько дружинами...

Не следует ли под заглавием статьи написать: «К девятисотлетию построения храма в Василеве и спасения Крестного отца России от печенегов?»

Посылаю Вам, согласно Вашему желанию, выписки из летописей.

Статья, посланная к Вам, отличается некоторою односторонностью. Она говорит почти исключительно о моровых Церквах и забывает о голодовых (если можно так сказать), воздвигаемых, вероятно, Илии Мокрому в годы бездождия и Илии Сухому в годы многодождия. Кажется в «Чт^{ениях} общ^{ества} И<стории> и Др^{евностей} Российских» есть статья о построении Церкви Илии обыденного в Москве¹⁴ и в этой статье, если не ошибаюсь, говорится, что в Москве было несколько храмов, посвящ^{енных} Илии Обыденному.

Отдельный оттиск этой статьи, помнится, был у Сергея Сергеевича Слуцкого, которому я приношу глубочайшую благодарность за присылку двух №№ «Изв^{естий} и Зам^{еток} Арх^{еологических}»¹⁵.

С искренним почтением
имею честь быть.

Готовый к услугам

Н. Федоров.

15 июля 1896 [9, л. 206–207].

3

Глубокоуважаемый
Сергей Алексеевич,

Статью О храмах обыденных, которую Вы читали, но напечатать нашли невозможным, я передал Владимиру Александровичу, бывшему на Севере, видевшему Вологодский обыденный Храм и другие обыденные храмы, прося его сделать извлечения из этой статьи, какие он найдет нужными для себя¹⁶. Если же Вы еще получили после того какие-либо сведения о храмах обыденных, то я усерднейше прошу Вас передать Автору статьи «Северно-русские думы и впечатления», т.е. Вл. Алекс. Кожевникову¹⁷.

Забравшись в отдаленную окраину, я очень бы желал увидеть Вас, Музей и сущих в нем, но едва ли мне придется выбраться отсюда. *Кланяюсь всем.*

Премного обяжете, если напишете несколько строк по следующему адресу: Асхабад Закаспийской области, члену Окружного суда Николаю Павловичу Петерсону с передачею Ник. Федор. Федорову.

Преданный Вам

Н. Федоров.

8 ноября
1899.

Прошу передать мое поздравление со днем Ангела Михаилу Алексеевичу Веневитинову [9, л. 104].

Последнее обращения Федорова к теме обыденного храмостроительства состоялось за год до смерти. В работе «Супраморализм», ставшей финальным опытом изложения философии воскрешения в виде 12 пасхальных вопросов, раздел, представлявший пути и способы решения этих вопросов, венчался главкой об «объединении чрез построение школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице» и «высших школ-храмов, посвященных Воскресению» (I, 588). Представляя древнерусский обычай с точки зрения супраморалистической этики, Федоров назвал обыденные храмы «памятниками не только единоклассники и согласия, выраженного в учении о Пресвятой Троице, но и памятниками служения общим трудом, служения, не допускающего ничего дарового». Мыслитель

¹⁴ Имеется в виду статья А. Пшеничникова «Церковь св. Пророка Илии обыденного, что на Остоженке в Москве», помещенная в № 1 «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских» за 1874 г.

¹⁵ С.С. Слуцкий прислал Федорову экземпляры «Археологических известий и заметок», где в № 5-6 за 1896 в рубрике «Археологическая хроника» были помещены краткие сведения о ней.

¹⁶ Друг и ученик Федорова В.А. Кожевников осенью 1899 г. работал над статьей «Обыденные храмы в Древней Руси» (напечатана: Русский вестник. 1900. № 1). Федоров активно побуждал Кожевникова написать эту статью и перед отъездом в Асхабад передал ему для использования экземпляр своей обобщающей статьи «О значении обыденных церквей...», а уже из Асхабада прислал к ней дополнения.

¹⁷ Летом 1899 г. В.А. Кожевников совершил поездку по городам Северной Руси, по итогам которой написал очерк «Северно-русские думы и впечатления» («Русский вестник». 1899. № 12).

раскрывал главный смысл обыденного храмостроительства, подчеркивая, что оно есть «прообраз, прототип будущего объединения всех живущих для воскрешения всех умерших, прообраз не спасения лишь от голода и язв, а прообраз спасения всех от смерти и всеобщей катастрофы» [13, с. 436, 437].

Литература

1. *Бартенев П.И.* С.С. Слуцкий // Русский архив. – 1903. – № 6. – С. 302–304.
2. *Бартенев Ю.П.* Письмо П.И. Бартеневу. 12 сентября 1892 // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 584. Л. 345.
3. *Гачева А.Г.* Н.Ф. Федоров – философ и деятель отечествоведения // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). – М.: Пашков дом, 2004. – С. 220–251.
4. *Знатнов А.В.* О новонайденных документах из наследия Н.Ф. Федорова (по материалам архива С.А. Белокурова) // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (К 180-летию со дня рождения). Сборник научных статей. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2010. – С. 435–441.
5. Клировые ведомости о церквях города Ирбита и уезда // РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Ед. хр. 1435.
6. Клировые ведомости о церквях города Старого Оскола и уезда // РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Ед. хр. 1435.
7. Летопись села Шишадиева // РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Ед. хр. 1413.
8. Панкратов А.С. Философ-праведник // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. – Кн. 1. –СПб.: РХГИ, 2004. – 352–362.
9. Письма С.А. Белокурову, материалы об обыденных храмах и преп. Сергии // РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Ед. хр. 1379.
10. Письма разных лиц Н.Ф. Федорову // РГАДА. – Ф. 184. Оп. 1. Ед. хр. 1377.
11. Постройка и освящение нового здания церковно-приходской школы в с. Мордовском Качиме Городищенского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1892. № 20. 15 октября. С. 854–860.
12. *Семенова С.Г.* Философ будущего века: Николай Федоров. – М.: Пашков дом, 2004. – 584 с.
13. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. – Т. I. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 518 с.
14. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. – Т. III. – М.: «Традиция», 1997. – 744 с.
15. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. – Т. IV. – М.: «Традиция», 1999. – 687 с.
16. –Б. Вопросы церковной жизни // Русское обозрение. – 1892. – № 8. – С. 744–752.